

Юродство как феномен русской культуры

В статье юродство Христа ради рассматривается как феномен русской культуры. Выявляются характерные черты поведения юродивого, прослеживается, как юродство переходит в секулярную форму юродствования.

Ключевые слова: юродство; юродивый; культура; юродствование; российская культура.

Среди научных статей и крупных исследований последних десятилетий, посвященных национальной самобытности, появилось немало работ, затрагивающих феномен русского юродства. Он стал пониматься не только как собственно христианское подвижничество, но и как общекультурное явление, даже как парадигма поведения, которая прочно вошла в российскую культурную генетику. В самом деле, маркеры поведенческой модели юродивого воспроизводятся в различных сферах жизни российского общества и по сей день. Возможно, это связано с особенностями национального менталитета: «Феномен юродства органически предопределен также национально-специфическими свойствами русской души, своеобразие которой, по мнению исследователей, проявляется в склонности к крайностям, морализаторству, эмоциональности, предельности, максимализму, пороговости, ощущению непредсказуемости жизни и недостаточности логического и рационального подхода к ней» [1, с. 355]. Кроме того, очевидно, что механизм активации юродского поведения как реакции на социально-общественную жизнь запускается, как правило, в особо жесткие периоды истории, когда власть укрепляет свои позиции, стремясь держать все сферы жизни общества под тотальным контролем. В этом, видимо, заключается причина актуализации данной темы в отечественной гуманитаристике.

Задача данной статьи – рассмотреть природу русского юродства, то есть выявить его смысловую направленность и определить маркеры, по которым оно идентифицируется в культуре.

В основе термина «юродивый» лежит древнегреческий корень «оурос» («глупый»), поэтому изначально он использовался для обозначения любого безумия. В древнеславянском языке юродивый – это тот, кто не от рода (уродивый, находящийся у рода). По наблюдению С. А. Иванова, так могли называть любого человека, отличающегося от остальных (калеку, сумасшедшего и т. д.), в том числе и того, кто принимал на себя личину безумия Христа ради [2, с. 114]. Однако нам кажется важным подчеркнуть, что юродивый – это, прежде всего тот, кто добровольно надевает на себя личину безумия, преследуя цель своим порой шокирующим поведением показать обществу его собственные пороки и несовершенство существующего миропорядка. Его задача – «взорвать» пространство, спровоцировать общество на реакцию и заставить усомниться в верности собственных убеждений и взглядов на жизнь. Эпатаж юродивого – это упрек успокоенному и инертному обществу; в его поведении как бы аккумулируется вся протестная общественная сила.

Нам представляется, что, опираясь на существующие исследования, посвященные данному феномену, можно выделить следующие отличительные характеристики поведения юродивого, так сказать родовые черты его поведенческой модели:

* **Александрина Игоревна Шаклеева**, аспирант АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

1. Принадлежность к миру антиповедения

Об этом пишет С. Е. Юрков, который, в частности, отмечает, что юродство принадлежит к миру антиповедения, миру, живущему по законам гротеска. Задача юродивого, по Юркову, – подчеркнуть условность добра и зла, но это «не баланс между трагизмом и комизмом, – трагическая сторона, заключающая в себе смысл, является, безусловно доминирующей, ради нее и затевается “спектакль”» [3, с. 58]. Об антиповедении писал также Б. А. Успенский в работе «Антиповедение в культуре Древней Руси». На примере жития Прокопия Устюжского он раскрывает суть поступков юродивого: «...юродивый как бы вынужден вести себя “перевернутым” образом, его поведение оказывается дидактически противопоставленным свойствам этого мира. Характеристики антиповедения переносятся при этом с действующего лица на зрителей, с мира потустороннего на мир посюсторонний: поведение юродивого превращает игру в реальность, демонстрируя нереальный, показательный характер внешнего окружения» [4, с. 328].

Юродивый – это герой антимира (смехового, кромешного, изнаночного), основным признаком которого является бедственное положение. Он тяготеет к своему прекрасному и величественному прошлому, стремится к лучшему, но при этом осознает свое нынешнее состояние. Однако такой мир не всегда является смеховым. Как отмечает Д. С. Лихачёв, для того, чтобы «мир неблагополучия и неупорядоченности стал смеховым, он должен обладать известной долей нереальности. Он должен быть миром ложным, фальшивым; в нем должен быть элемент чепухи, маскарадности» [5, с. 46].

Юродивый как герой антимира показывает пороки общества как через увеличительное стекло, он пользуется для этого гиперболизированными шокирующими приемами, которые создают эффект ирреальности происходящего.

2. Обличение через осмеяние (функция учителя и критика)

Исследователь-богослов В. И. Экземплярский, отмечая родство юродивых и скоморохов, подчеркивает, что «если скоморох увеселяет, то юродивый – учит. В юродстве акцентируется внеэстетическая функция, смеховая оболочка скрывает дидактические цели» [6, с. 85]. Д. С. Лихачёв, продолжая эту мысль, замечает, что «функция смеха – обнажать, обнаруживать правду, раздевать реальность от покровов этикета, церемониальности, искусственного неравенства, от всей сложной знаковой системы данного общества» [7, с. 351], что, конечно, схоже и с теми функциями, которые берет на себя юродство. Лихачёв отмечает, что «смех открывает в одном другое – не соответствующее, в высоком – низкое, в духовном – материальное, в торжественном – будничное, в обнадеживающем – разочаровывающее» [5, с. 35]. Разумеется, юродивый вписывается в такую систему координат. Он кажется безумным, дурачком, но на самом деле оказывается умнее всех. Он кажется греховодником из-за своих поступков, но оказывается ближе всех к Богу и т. д.

С. А. Иванов пишет, что «юродивый везде обличает условный характер тех институций, которые хоть и призваны обеспечить божественный порядок, но сами при этом неизбежно остаются земными: в Византии это в первую очередь Церковь, на Руси – Царство» [2, с. 375]. Основная задача юродивого – заставить рыдать над смешным: «Поступки, жесты и слова юродивого одновременно смешны и страшны – они вызывают страх своей таинственностью, скрытой значительностью и тем, что юродивый, в отличие от окружающих его людей, видит и слышит что-то истинное, настоящее. Он видит и слышит то, о чем не знают другие. Мир юродивого двуплановый: для невежд – смешной, для понимающих – особо значительный» [8, с. 72].

3. Зрелищность и потребность в зрителе

Осуществляемый юродивым подвиг всегда зрелищен и нуждается в публике, так как его задача – обличать. То есть юродство по своей сути театрально: оно не может существовать без другого. Монах, стремящийся к смирению, уходит от мира. Юродивый же сознательно ищет толпу, ему необходимо быть услышанным. Он и разоблачитель и разоблачающий одновременно, при этом, принимая на себя пороки мира, он как бы совершает проповедь. В архетипе юродивого проповедь и исповедь совершаются одновременно. Обнажаясь перед миром, совершая исповедь, юродивый тем самым «читает» миру проповедь.

4. Аскезы (мотив ухода и умерщвления плоти)

Юродивые добровольно отказывались от земных благ, принимая крайнюю форму аскезы. Все они уходили от мирской жизни, бродяжничали, не имели крыши над головой. Во многих житиях юродивых встречаются эпизоды самоистязания (Иоанн Соловецкий, Андрей Тотемский, Иоанн Устюжский и др.) [2]. И. А. Ильин отмечал, что юродивые – «одноумки не в смысле глупости, а в смысле одной-единственной устремленности – отречения от всего, кроме одного, самого важного, Божественного, принятия на себя бремени мира, которое и есть для них христианский подвиг» [9, с. 93]. Иеромонах Иоанн Кологривов, раскрывая смысл юродства, отмечает, что это «смирение, доведенное до героической степени и порою даже больше того, впадающее по внешней видимости в крайность» [10, с. 239].

5. Нагота, непристойное поведение и травестия

Юродивый своим поведением совершает исповедь и проповедь одновременно. С одной стороны, он осуществляет социальную критику, направленную на общество, с другой – его критика направлена на самого себя: на размытие границ своего «Я», выраженное предельным самобичеванием. Цель юродивого, направленная не на мир, а на себя, состоит не только в усмирении гордыни и тщеславия, но и в отказе от собственного «Я», в размывании границ тела и разума (отсюда эпизоды с травестией и переодеванием, с забеганием юродивых мужчин в женские бани и т. д.).

Т. А. Недоспасова, формулируя в своем исследовании типичный образ русского юродивого, отмечала, что он всегда наг или в несурзных одеждах, в лохмотьях и в грязи, волосы сбиты в колтун: «Внешний образ юродивого Христа ради – это образ бродяги и оборванца, да еще, пожалуй, нецеломудренного, если он нагоходец» [11, с. 321]. Она же отмечает и часто встречающуюся склонность к травестии (на примере преподобной Марии, ходившей в мужском костюме и выдававшей себя за евнуха) как отказ от пола, от границ тела, то есть как шаг в сторону физической свободы. Безмолвие, коверканье речи, невразумительные выкрики – признаки юродивого поведения, их высказывания были «либо ясны, либо невразумительны, но всегда кратки, это выкрики, междометия, афористические фразы» [5, с. 95]. Например, Василий Блаженный хранил молчание, а если ему приходилось идти на разговор, то притворялся косноязычным. Прокопий Вятский дал обет молчания и даже пророчества совершал при помощи жестов и движений тела [11].

Рассмотрев основные характерные черты юродивого, попробуем дать определение такого рода поведению. Согласно Ю. С. Степанову, концепт – это «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. С другой стороны, концепт – это то, посредством чего рядовой, обычный человек, не “творец культурных ценностей” – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [12, с. 46]. Юродство входит в сознание русского человека в форме добровольного безумия, эпатажной модели поведения, направленной на обличение ложного (с точки зрения носителя этого поведения) миропорядка. То есть юродивый – герой изнаночного мира (антимира), автором

которого является он сам, это маргинал, готовый на добровольное мученичество и страдания, оскорбление и умерщвление плоти, ему свойственно парадоксальное трагикомическое мироощущение, обусловленное трагическим разрывом между тем, к чему он стремится, и тем, что имеет.

Феномен юродства возникает в Византии в VI–VII вв. На Руси юродство Христа ради как особая крайне радикальная форма подвижничества известна с XIV столетия. Именно на Руси, в отличие от Византии, юродство приобретает широкое распространение, сохраняя актуальность на протяжении нескольких столетий. Это обусловлено тем, что в российской истории неоднократно были периоды ужесточения власти, ее тотального контроля над жизнью общества. Сакрализация власти в русском сознании берет свое начало во времена царствования Ивана IV, и связана она с чином венчания на царство, а потом (постановление царя Федора Ивановича 31 мая 1584 года) и с обрядом помазания на царство [13, с. 27]. Как отмечает Б. А. Успенский, в России этот обряд был отождествлен с миропомазанием: «Таким образом, в Византии, как и на Западе, монарх при помазании уподоблялся царям Израиля; в России же царь уподоблялся самому Христу» [13, с. 28]. Именно в российской традиции фигура верховного правителя обладает абсолютным авторитетом, воспринимается как позиция избранного свыше, обладает особой сакральной харизмой. Юродивые, которые всегда воспринимались обществом как совесть народа, в этой системе мира выполняли функцию обличителей: они могли смело (и часто безнаказанно) высказывать власти свои претензии. Так поступали и Василий Блаженный, и псковский юродивый Николка, и святой Фаддей Петрозаводский и др.

К концу XIX – началу XX века юродство как религиозное явление постепенно сходит на нет. Полный противоречий, характеризующийся глобальными социальными изменениями рубеж веков нуждался в фигуре обличителя, общей совести народа, транслятора народных настроений. Активный поиск национальной идеи и народного героя не мог не иметь в виду и такой сильный оппозиционный тип народной культуры, как юродивый. Так в русской культуре начинается постепенная десакрализация юродства, постепенное обретение новой, нерелигиозной его ипостаси – юродствования. Юродствование – это сознательно выбранный маргинальный тип поведения, с помощью которого его носитель вступает в полемику с существующим миропорядком, однако, в отличие от христианского подвижничества, религиозный контекст здесь исключается. Оно входит в русскую культуру как определенный тип коммуникативного поведения личности, в основе которого лежит не вера, а разум и гуманизм. Наследуя юродивым, юродствующие осуществляют особую трагикомическую и антиповеденческую критику общества и его устоев. Но рассмотрение влияния юродствования на современные культурные практики – это тема отдельного разговора.

Литература

1. Маслий Е. Ценностная составляющая концепта «юродство» как самобытного феномена русской культуры // Ученые записки ТНУ им. В. И. Вернадского. – Симферополь. – 2007. – Т. 20 (59), №1. – С. 354–360.
2. Иванов С. А. Блаженные похабы: культурная история юродства. – М. : Языки славянских культур, 2005. – 448 с.
3. Юрков С. Православное юродство как антиповедение // Под знаком гротеска: антиповедение в русской культуре (XI – нач. XX в.). – СПб., 2003. – С. 52–69.
4. Успенский Б. А. Антиповедение в культуре древней Руси // Успенский Б. А. Избранные труды. – Т. 1 : Семиотика истории. Семиотика культуры. – М. : Гнозис, 1994. – С. 320–332.
5. Лихачев Д. С. Смех в Древней Руси / Д. С. Лихачев, А. М. Панченко, Н. В. Поньрко. – Л. : Наука, 1984. – 296 с.

6. Экземплярский В. Христианское юродство и христианская сила (К вопросу о смысле жизни) // Христианская мысль. – 1916. – № 1. – С. 63–86.
7. Лихачёв Д. С. Смех как мировоззрение // Историческая поэтика русской литературы: смех как мировоззрение и другие работы. – СПб. : Алтейя, 2001. – С. 342–404.
8. Ключевский В. О. Русская история. – М. : Мысль, 1993. – 572 с.
9. Ильин А. Н. Онтологическая сущность юродства // Религия и общество: традиции, особенности и генезис духовных и культурных ценностей : колл. монография под общ. ред. проф. О. И. Кирикова. Кн. 3. – М. : Наука-Информ ; Воронеж : Изд-во Воронежского государственного педагогического университета, 2012. – С. 85–103.
10. Иоанн (Кологривов, иеромонах). Очерки по истории русской святости. – Брюссель : Жизнь с Богом, 1961. – 416 с.
11. Недоспасова Т. А. Лжеюродство // Юродство. – Тюмень : Русская неделя, 2014. – С. 319–323.
12. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. – 3-е изд. – М. : Академический проект, 2004. – С. 42–67.
13. Успенский Б. А. Помазание царя в России // Царь и император. Помазание на царство и семантика монарших титулов. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 27–31.

Alexandrina Igorevna Shakleeva,
postgraduate student, Liberal Arts University –
University for Humanities (Yekaterinburg)

The Foolishness as a Phenomenon of Russian Culture

The article considers the foolishness-for-Christ as a phenomenon of the Russian culture. The characteristic features of the behavior of the fool-for-Christ are revealed; the way how foolishness transforms into a secular form of foolishness is also traced.

Key words: foolishness; holy fools; culture; secular foolishness; Russian culture.